

О роли симптоматики в коммуникации

Статья посвящена роли симптоматических знаков эмоционального состояния человека в коммуникации и возможностей использования эмоциональных проявлений в качестве функциональных эквивалентов диалогических реплик.

Ключевые слова: симптоматика, паралингвистические средства, диалог, вокальные жесты и междометия.

– На будущей неделе письмоводитель у нас в приюте уходит в отставку. Если хотите, поступайте на его место!.. Временский, не ожидавший такой милости, <...> просиял.

– И отлично, – сказал директор. – Сегодня же напишите прошение. (А. Чехов. Дамы).

Григорий Ефимович Крейдлин – один из самых известных исследователей паралингвистики в России. Его увлеченность и энтузиазм всегда пробуждают живой интерес коллег к пограничным аспектам коммуникации и, в частности, подтолкнули автора к написанию статьи о роли симптоматических знаков в диалоге.

К эмоциональным симптомам человека относят разного рода жестовые, мимические и звуковые проявления, за которыми угадываются изменения в психическом состоянии человека, его реакции на то или иное воздействие. Центральная функция симптоматических знаков – познавательно-прагматическая: эти знаки предоставляют наблюдателю важную информацию об объекте. Как пишет Н.Б Мечковская: «Движения тела и выражения лица всегда находятся в поле внимания: глядя на своих близких и дальних, старших и младших, клиентов и конкурентов, человек все время спрашивает себя о своем партнере <...>: «что может значить этот быстрый (или прямой) взгляд, эти растопыренные пальцы», «что это он так ноги расставил» или «отчего кусает губы?»»¹

Считается, что симптомы человека передаются произвольно и неадресованно, что позволило Т. Милевскому² считать их «односторонними» знаками, т. е. знаками исключительно для воспринимающего. При этом они играют немаловажную роль в коммуникации.

Особенно значимы при получении информации о человеке мимические реакции, что находит отражение в языке через сочетания: *на лице написано, читать по лицу / лицам / по глазам* и др. Ср.:

- (1) — С чего вы взяли? — спросила Катерина. — У вас все это **на лице написано**. — А вы читаете по лицам? — Да, как вы сами в этом убедились. (В. Черных. Москва слезам не верит).
- (2) Этрусск, **читая по лицу** тревогу друга, заговорил снова. (И.А. Ефремов. На краю Ойкумены).

Психологи и этологи пишут о существовании особых правил раскодирования эмоциональных проявлений³. Эти правила учитывают социальные, половые и возрастные особенности в той или иной культуре. На свободу эмоциональных проявлений накладываются социальные, возрастные, национальные и религиозные фильтры, по-разному и в разной степени влияющие на стиль и оценку поведения члена социума. Ф. Пойатос⁴ пишет о существовании *техник выражения эмоций*, связанных с саморегулирующей функцией (скрывать эмоции, чрезмерно их выражать, выглядеть бесстрастно или притворяться, разыгрывая эмоциональность).

Можно говорить о двух наиболее общих стратегиях контроля над эмоциональной симптоматикой:

- а) подавление неуместных эмоций или попытки их «спрятать»;
- б) подчеркивание или усиление выражения эмоций.

Остановимся кратко на каждой из стратегий.

А) Подавление неуместных эмоций или попытки их «спрятать»;

Традиционно считается, что находясь в обществе, следует подавлять выражение произвольных эмоций. В европейских и российских кодексах этикетного поведения XVIII – XIX вв. специально указывалось на то, что неприлично *зевать от скуки, кусать от злости губы, потирать руки от предвкушения, морщить нос* и т. д.⁵. В социально значимых ситуациях человеку необходимо «сохранять лицо»: контролировать себя, выражать только уместную или соответствующую приличию эмоцию и прятать прочие. Ср.:

- (3) Среди гостей будут различные, ох, очень различные, но никому, королева Марго, никакого преимущества! Если кто-нибудь и не понравится... Я понимаю, что *вы, конечно, не выразите этого на своем лице... нет, нет, нельзя подумать об этом!* Заметит, заметит в то же мгновение. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
- (4) — Ух! — сказал Грызлов, глядя на это изобилие, но сказал мысленно, потому что *партийный руководящий товарищ не может иметь человеческих эмоций*, а если еще имеет, то *поостережется выразить их* при подчиненных. (В. Войнович. Монументальная пропаганда).

Если же человек не в силах сдерживать несоответствующую ситуации эмоцию, ему приходится сделать все, чтобы она не была замечена. Ср. описания поведения персонажа в подобных ситуациях:

- (5) Коломнин склонился над ящиком стола, *чтобы не выдать невольное облегчение* – худшие опасения не оправдались (С. Данилюк. Бизнес-класс).
- (6) Через час солдаты пришли вынести стол, но миледи заметила, что на этот раз Фельтон не сопровождал их. Значит, он боялся часто видеть ее. Миледи *отвернулась к стене и улыбнулась*: эта улыбка выражала такое торжество, что могла бы ее выдать (А. Дюма. Три мушкетера. Пер. В. Вальдман и др.).

Б) Демонстрация и усиление выражения эмоций.

Подчеркивание или даже усиление эмоциональной симптоматики возможно в случаях, когда внутреннее состояние человека соответствует его коммуникативной стратегии и нормам социальной ситуации. И. Гоффман описывает такие эмоциональные проявления как до некоторой степени театрализованное представление: «Субъект анализирует свое внутреннее состояние и действует так, чтобы были очевидны особые условия, которые предположительно вызывали их. Он рассказывает маленькую историю ситуации. Он позволяет всем присутствующим интерпретировать себя <...>. Это представление – коммуникация в этологическом, нелингвистическом смысле слова»⁶

Во многих социальных ситуациях этикетно приемлемое симптоматическое проявление приветствуется и входит в ткань коммуникации наравне с речью, а порой и в качестве ее полноценного аналога. Коммуникативные функции симптоматики проявляются в способности этих знаков заменять собой самостоятельные языковые выражения, чаще всего отдельные реплики диалога. Авторы рассказов или романов могут интерпретировать информацию, передаваемую через симптоматические сигналы.

- (7) *Во взгляде* у Прохорова: «Ну, как?» У Гуревича: «Все путем». (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора).
- (8) *В ее глазах* был только *немой вопрос...* Зачем привел, почему не сказал? (О. Павлов. Асистолия).
- (9) Взрослые *смотрели* друг на друга с *немым вопросом*: неужели конец? (В. Аксенов. Таинственная страсть).
- (10) Мне казалось, что *на его лице* застыл *немой вопрос*, который мучил нас всех: почему так внезапно оборвалась жизнь? (Л. Гурченко. Аплодисменты).

Русские частицы *мол* и *дескать*, происходящие от глаголов речи *молвить* и *сказать*, описываются в толковых словарях как

маркеры, вводящие чужую речь или мнение. Наряду с указанной функцией частицы могут вводить также «перевод» предъявляемой собеседникам симптоматической информации в полноценные реплики диалога. Ср.:

- (11) Два года назад ставропольский губернатор Александр Черноголов разрешил и эту проблему, отрядив в целевой казачий фонд несколько десятков тысяч гектаров сельхозугодий. На первых порах атаманы *морщились – дескать, этого мало*. (Н. Гритчин. Не люблю. Ставропольские станичники не готовы ни охранять границу, ни самоуправляться, ни землепашествовать // Известия. 2001.08.13).
- (12) Рина тихо сказала Варе: – Поедем в «Савой», но без Зои. – Куда я ее дену? Рина *пожала плечами, мол, твое дело, тебя берем, а ее нет, отделивайся как знаешь*. (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Как можно видеть из представленных примеров, частица ставит знак равенства между симптоматической и языковой информацией. Некоторые мимические выражения в конкретных диалогических ситуациях настолько стереотипно выражают эмоциональную реакцию человека, что даже не требуют комментариев и символически передаются на письме изолированными вопросительным и восклицательным знаками. Чаще всего они используются в качестве ответных реплик диалога. Ср.:

- (13) С е м е н С е м е н о в и ч. Ты, Мария, мне прямо скажи: ты чего домогаешься? Ты последнего вздоха моего домогаешься? И домогешься. Только я тебе в тесном семейном кругу говорю, Мария – ты сволочь.
М а р и я Л у к ъ я н о в н а. ?
(Н.Эрдман. Самоубийца).
- (14) – Я только не успел рассказать вам, – стараясь, чтобы его слышала только одна Юлия, произносит он, – что у донны Анны было ваше лицо.
– ?!
(А. Тарковский. Гофманиана).
- (15) – Кирилл, смотаемся в перерыве?
– ?
– На «Плату за страх».
– !
(В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

Более того, эмоциональная симптоматическая реакция может вступать в конкуренцию со стандартным языковым высказыванием в ситуациях, когда собеседник ждет реакции на свое сообщение. Чтобы обнаружить, в какие моменты такая конкуренция может происходить, необходимо кратко остановиться на некоторых принципах построения диалога. Одним из основных средств структурирования диалога являются так называемые интерактивные блоки:

связанные в пары смежные реплики типа *осуждение – извинение; вопрос – ответ; запрос – предложение; просьба – согласие / отказ* и т. д.⁷ Важность таких смежных пар при анализе диалога объясняется их текстовой предсказуемостью. При наличии первого элемента пары второй элемент, в соответствии с правилами речевого взаимодействия, является ожидаемым. Выраженное лицом, позой или выкриком эмоциональное состояние непосредственно выражает оценку человека того, что он только что услышал в инициирующей реплике. Из этой информации собеседник может легко вывести речевое намерение произнесенной ответной реплики. Рассмотрим конкретные примеры.

- (16) «Неужели мошенники? – тревожно спросил у гостя маг, – неужели среди москвичей есть мошенники?». В ответ буфетчик *так горько улыбнулся*, что отпали все сомнения: да, среди москвичей есть мошенники. – Это низко! – возмутился Воланд. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Комментарий:

Из симптоматически выраженной эмоции огорчения собеседник извлекает подтверждающую информацию, аналогичную той, которую он получил бы при помощи адресованных коммуникативных знаков – кивка подтверждения или реплик типа *Да; Увы; Безо всяких сомнений*. Непроизвольная реакция в таком этически неприятном разговоре может выступать как тактический ход, оправданный с точки зрения вежливости: говорящий, не желая связывать себя негативными оценками и заслужить репутацию брюзги и моралиста, через горькую улыбку намекает на реальное положение дел.

- (17) – На будущей неделе письмоводитель у нас в приюте уходит в отставку. Если хотите, поступайте на его место!.. *Временский, не ожидавший такой милости <...> просиял*. – И отлично, – сказал директор. – Сегодня же напишите прошение. (А. Чехов. Дамы).

Комментарий:

Выражение радости на лице как реакция на неожиданное и приятное предложение диагностирует согласие с предложением без вербально выраженного ответа и позволяет продолжать диалоговое взаимодействие с учетом переданной симптоматическим жестом информации.

- (18) «Что касается того, как надежным путем доставить письмо ее величеству, – начал, краснея, Арамис, – то я беру это на себя. Я знаю в Туре одну очень ловкую особу». Арамис замолчал, *заметив улыбку на лице Атоса*. «Вот так раз! **Вы против этого предложения, Атос!**» – удивился д'Артаньян. «Я не совсем его отвергаю, – ответил Атос, – но только хотел заметить Арамису, что он не может оставить лагерь». (А. Дюма. Три мушкетера. Пер. В. Вальдман и др.).

Комментарий:

Из скептически-насмешливой улыбки собеседника в ответ на предложение говорящий и третьи лица легко выводят информацию, оценке предложения как несерьезного и функционально равноценную отказу.

Наряду и совместно с мимикой и жестами, эмоциональное состояние выражается и вокальными жестами – произвольными неязыковыми выкриками, передаваемыми на письме через первичные междометия⁸. В некоторых случаях, писал Макс Мюллер, «одно краткое междометие может быть выразительнее, точнее, красноречивее длинной речи»⁹. К приведенному списку характеристик можно добавить: убедительнее любой речи, проиллюстрировав тезис М. Мюллера через анекдот:

(19) – Ты что такой грустный?

– Ты знаешь, я предложил одной девушке руку и сердце, а она мне отказала.

– Ну, чудак, когда девушка говорит «нет», это еще не значит, что...

– Она не сказала «нет». Она сказала: «Что?! **Тьфу!**».

Такие «некоторые случаи», о которых говорит М. Мюллер, в большинстве своем укладываются в диалогическую позицию реактивной реакции на реплику собеседника. Рассмотрим несколько примеров из художественных произведений, в которых авторы заставляют персонажей реагировать на междометие как на речевое произведение, даже не сопроводив междометие соответствующими жестами и мимикой.

(20) Шатен внезапно преобразился: – Ну, а... лик... всевидящего?

– Гм. – То есть как это – гм? А звезды?! Разве ничего вам не напоминают?..

(В. Ерофеев. Записки психопата).

(21) [Пепел.] А скушно... чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь – все хорошо! И вдруг – точно озябнешь: делается скушно...

[Бубнов.] Скушно? М-м... [Пепел.] **Ей-ей!** (М. Горький, На дне).

Первичные междометия «Гм» и «Мм...» передают в диалоге вокальный жест сомнения, служащий одной из возможных реакций на утверждение говорящего. Говорящий, желая добиться успеха в своей речи, не может оставлять состояние собеседника без внимания и вынужден реагировать – возвращаться к предшествующему этапу своей речи, чтобы привести дополнительные разъяснения, постараться уверить собеседника в истинности своей речи и т.д. Приблизительно к такому же эффекту – необходимости давать дополнительные разъяснения – приводит и выражение изумления слушателя. Ср.:

(22) – Вы атеисты?! – Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз <...>. – **Ох**, какая прелесть! – вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора. – В нашей стране атеизм никого не удивляет, – дипломатически вежливо сказал Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно перестало верить сказкам о боге (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Передаваемый междометием «Ох!» вскрик изумления при соответствующей жестово-мимической поддержке «перевешивает» лексическое значение реплики «какая прелесть», не позволяет собеседникам думать, что говорящий восхищается. Им приходится не благодарить «иностранца» за комплимент, а аргументировать свое утверждение, поскольку эмоция изумления таит в своей глубине определенное недоверие к услышанному.

(23) – Скажу вам прямо, без обиняков: я познакомился, я сблизился с этим молодым человеком, господином Курнатовским, в надежде иметь его своим зятем». <...>. «А кто его отец?» – спросила Анна Васильевна. – «<...> Отставной, кажется, майор, всеми именными графов Б... управляет». «А!» – промолвила Анна Васильевна. «А! что: а? – подхватил Николай Артемьевич. – Ужели и вы заражены предрассудками?». «Да я ничего не сказала», – начала было Анна Васильевна... – «Нет, вы сказали: а!.. Как бы то ни было, я счел нужным вас предупредить о моем образе мыслей и смею думать... смею надеяться, что господин Курнатовский будет принят a bras ouverts (И. Тургенев. Накануне).

В пророненном женой Николая Артемьевича вокальном жесте, переданном междометием «А!» (исходя из контекста, с интонацией разочарованного понимания того, каков социальный статус потенциального мужа ее дочери) муж услышал негативную эмоциональную оценку предмета речи, что и обусловило его обвинения.

(24) Гость осведомился: – «Профессия?». – «Поэт» <...>. Пришедший огорчился. – «**Ох**, как мне не везет! – воскликнул он, но тут же спохватился, извинился и спросил: – А как ваша фамилия?». – «Бездомный». – «**Эх, эх...**» – сказал гость, морщась. – «А вам что же, мои стихи не нравятся?» – с любопытством спросил Иван. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тяжелый вздох, передаваемый на письме междометием «Эх, эх» однозначно передает негативную оценку персонажа только что услышанному и подобно стандартной реплике диалога стимулирует к продолжению коммуникативного взаимодействия.

Кроме замены ответных реплик в диалоге симптоматика может использоваться также для организации входа в коммуникативную ситуацию. Эмоциональные вскрики, стоны, плач, возгласы интере-

са, а также их жестово-мимические аналоги непроизвольно обращают на себя внимание окружающих, заставляют их начать общение с субъектом эмоционального состояния. Ср.:

- (25) Юрковский вдруг *яростно хлопнул себя по лбу*.
«Что с тобой?» – встревоженно спросил Дауге.
– «Дьявольщина!.. Я забыл электробритву в гостинице»
(А. и Б. Стругацкие. Страна багровых туч).
- (26) Парамон Иваныч начал *охать*.
– Что вы? – спросил молодой купец.
– Ногу смерть ломит (Н. Лейкин. В банях).

Вокальный жест может брать на себя интродуктивную функцию, т. е. функцию зачина речи и введения сообщения. Говорящий обнаруживает что-либо, вспоминает о чем-либо значительном, актуальном, интересном и выражает свою взволнованность выкриком, который предваряет эмоциональную речь. В русской культуре ведения диалога наиболее частотен в таких случаях вокальный жест *Ой*. В работе Н.А. Земской, М.А. Китайгородской и Н.Н. Розановой указывается на популярность начального *Ой* прежде всего у женщин: «В речи некоторых женщин это *ой* начинает почти любое высказывание или начальный отрезок реплики»¹⁰. Говорящий при этом не ждет расспросов, а сразу переходит к сообщению. Ср.:

- (27) *Ой*, так было весело, я про тебя все время рассказывала, все тебя ждали, ты чего не приехал? (А. Найман. Любовный интерес).
- (28) *Ой*, а про коробочки и говорить-то нечего: в любую залезет, даже в самую маленькую. (Ю. Павликова. Парашютист // Биржа плюс свой дом. Н. Новгород. 2002.03.11).
- (29) *Ой*, Славочка, мы будем мясо кушать! – Раиса двумя пальцами держала стэйк, выгащенный из пакета, и разевала ротик.
(Н. Медведева. Любовь с алкоголем).

К интродуктивным относятся также социализованные покашливания, которые используются для привлечения внимания в отсутствии общего визуального контакта, например, когда потенциальный собеседник стоит спиной или увлечен беседой с другим лицом.

- (30) Он смотрел на фотографию не отрываясь, не моргая, на глаза навернулись слезы... «*Кхе-кхе...* – Савелий услышал за спиной старческое покашливание и голос соседа – Могилку-то их навестил?»
– А-а, это вы, Павел Семенович?! (В. Доценко. Срок для Бешеного).
- (31) *Гм, гм*, откашлялся Шухов, стесняясь прервать образованный разговор (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Зачин речи может осложниться поиском первого слова, сомнениями в выборе правильной стратегии передачи мысли, отсутствием решимости и т. п. Такие эмоциональные состояния симптоматичес-

ки выражаются разного рода хмыканиями и меканиями, передаваемыми на письме через междометия *Гм, Ммм; Кхм* и др. Ср.:

- (32) Когда встали из-за стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением: «Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть...». (А. Пушкин. Дубровский).
- (33) М-м... – протянул Илья. – Даже не знаю, откуда начать... (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный).
- (34) Тут <...> на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошел до середины и остановился. <...> Потом он вдруг стал откашливаться: «Кхм! Кхм!.. Кхм!» <...> Потом поднял глаза в потолок и сказал: «Стих». (В. Драгунский. Смерть шпиона Гадюкина).

Реальная роль симптоматики в коммуникации недооценена и требует разностороннего лингвистического, социо- и психолингвистического исследования. Такое исследование являлось бы важной частью типологического описания коммуникативного взаимодействия, стереотипных ситуаций бытового и официального общения.

Примечания

- ¹ Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М., 2004.
- ² Milewski T. Jezykoznanstwo. Warszawa, 2004.
- ³ Смори об этом, например, в *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004. С. 87.
- ⁴ Poyatos F. Cross-Cultural Study of Paralinguistic «Alternants» in Face-to-Face Interaction // Organization of Behavior in Face-to-Face Interaction / Eds. Adam Kendon, Richard M. Harris, Mary R. Key., Mouton. 1975. P. 285-314.
- ⁵ См. об этом, например, в: *Крейдлин Г.Е.* Кинесика и проблемы понимания // Язык в движении. М., 2007. С. 339.
- ⁶ Goffman, E. Response Cries | | Language. 1978. Vol 54, Num 4. P. 787-816.
- ⁷ Подробнее об этом см.: *Schegloff, E.A.* Analyzing Discourse: Text and Talk // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics, 1981. P. 71–93; *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. №2. С. 84–100.
- ⁸ См.: *Шаронов И.А.* Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.
- ⁹ *Мюллер М.* Лекции по науке о языке. СПб., 1865: 282.
- ¹⁰ *Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 122.